

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

С-717

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

СХХV

М. Н. Сперанскій

ПАМЯТИ О. И. БУСЛАЕВА

РѢЧЬ

прочтенная въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Древней
Письменности 28-го ноября 1897 г.

106705

1898

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь П. Шефферъ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JAN 27 1971

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ПАМЯТИ Ѳ. И. БУСЛАЕВА.

„Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось... А востона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми: тоска разліяся по русской земли“, можемъ и мы сказать вмѣстѣ съ гѣвцомъ Игоря, оплакивавшего „невеселую годину“ русской земли: смерть Ѳ. И. Буслаева, дѣйствительно, является „тугой“ для всей Россіи, „тоска“ по поводу этого горестнаго событія, дѣйствительно, „разліяся по всей русской земли“: во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ центрахъ, гдѣ сосредоточилась кучка развитыхъ и образованныхъ людей, вездѣ сочли необходимымъ отъкликнуться по поводу этого событія, почтить, помянуть по мѣрѣ силъ и разума сошедшаго со сцены замѣчательнаго ученаго и учителя многихъ поколѣній русскихъ людей.

Дѣйствительно, утрата Буслаева есть великая утрата русской науки: несомнѣнно, Буслаевъ былъ замѣчательнѣйшимъ ученымъ среди всѣхъ появившихся до сихъ поръ въ молодой русской наукѣ. Эта наука—исторія русской литературы и исторія искусства—обязана покойному ученому теперешнимъ своимъ состояніемъ: онъ первый вывелъ исторію русской литературы на ея истинный научный путь; онъ же былъ основателемъ исторіи русскаго искусства.

Какъ та, такъ и другая отрасль изученія нашего прошлаго тѣсно связаны съ дѣятельностью Федора Ивановича: онъ не только далъ этимъ отраслямъ истинное научное направленіе, предоставивъ имъ идти намѣченнымъ имъ же путемъ, но и самъ въ теченіе своего долгаго вѣка велъ ихъ по этому пути, будучи не только родоначальникомъ, но и крупнымъ дѣятелемъ этой науки, двигая ее впередъ своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ, своими сочиненіями, своимъ могучимъ талантомъ. Дѣятельность Буслаева является, такимъ образомъ, сама крупной частью исторіи молодой еще русской науки: изучая труды Буслаева, мы изучаемъ въ то же время всѣ тѣ фазы развитія, которыя прошла наука исторіи русской литературы и искусства отъ ея истиннаго начала вплоть почти до нашихъ дней. Эти простыя соображенія уже съ очевидностью указываютъ намъ, какое громадное значеніе должна имѣть эта дѣятельность покойнаго ученаго для насъ. Болѣе подробное изслѣдованіе изъ круга дѣятельности Буслаева того, что уже стало фактомъ науки, фактомъ ея исторіи, несомнѣнно, подтвердить это. Но подобное изслѣдованіе едва-ли можетъ быть предпринято теперь въ полномъ его объемѣ: для этого не наступило еще время, для этого нѣтъ еще достаточнаго матеріала. Поэтому, не беря на себя непосильной задачи, я хотѣлъ бы только коснуться нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Федора Ивановича; не претендуя ни на полноту, ни на точность моихъ выводовъ, хотѣлъ бы я только напомнить вамъ хорошо знакомый образъ сошедшаго со сцены нашего общаго учителя, какъ я ихъ себѣ представляю и какъ ихъ понимаю. На сколько удалось мнѣ это, судить, конечно, не мнѣ....

Самыя условія, среди которыхъ сложился спокойный, вдумчивый, чуткій ко всему хорошему и художественному, деликатный характеръ Федора Ивановича, заслуживаютъ вниманія его будущаго біографа. Дѣтство его и ранніе годы юности протекли въ провинціи въ тѣ времена, когда художественная наша литература переживала рѣдкіе дни: это

было время расцвѣта Пушкина, слава котораго и поклоненіе которому проникали въ самыя глухіе уголки Россіи, время появленія „Горя отъ ума“.....

Пенза въ этомъ отношеніи была однимъ изъ такихъ счастливыхъ уголковъ провинціи: по рассказамъ самого Ѳ. И. Буслаева, художественная лира Пушкина увлекала тогда всѣхъ: чтò не доходило путемъ печати, доходило въ рукописяхъ, списывалось, читалось, заучивалось; самъ Ѳедоръ Ивановичъ любилъ рассказывать, какое волненіе у нихъ произвело своимъ появленіемъ „Горе отъ ума“ (разумеется, въ рукописи) въ Пензѣ¹⁾. Эти первыя художественныя впечатлѣнія, запавшія въ молодую душу, остались на всю жизнь, развиваясь и углубляясь по мѣрѣ развитія Буслаева: чувство художественности, любовь къ прекрасному, умѣніе не только понимать, но и наслаждаться имъ отличали Буслаева во всю его жизнь, заставляли воодушевляться уже слѣпного старца: въ этихъ старческихъ восторгахъ красотами Италіи, древняго и христіанскаго искусства звучала вся искренность молодой души: ни тѣни искусственности, ни тѣмъ болѣе сентиментальности.....

Такое счастливое начало развитія талантливаго юноши имѣло не менѣе счастливое продолженіе. Вскорѣ послѣ окончанія университета судьба сближаетъ Буслаева съ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, которому, по собственному признанію Ѳедора Ивановича, онъ обязанъ первыми уроками по исторіи искусства, первыми попытками повѣсть научные памятники искусства: не даромъ посвятилъ Буслаевъ свою лебединую пѣснь „Русскій лицевой Апокалипсисъ“ памяти графа С. Г. Строганова²⁾. Это знакомство, перешедшее въ искреннюю дружбу со всею семьей Строгановыхъ, имѣвшее слѣдствіемъ поѣздку за границу въ 1839 году, именно въ Италію, гдѣ Буслаеву удалось пробыть два года,

¹⁾ Рассказъ объ этомъ передавалъ лично Ѳедоръ Ивановичъ пишущему эти строки въ одинъ изъ памятныхъ намъ всѣмъ своихъ четверговъ. Ср. „Мои воспоминанія“ Ѳ. И. Буслаева (М. 1897 г.), стр. 61 и 79.

²⁾ См. предисловіе, стр. X; ср. „Мои воспоминанія“, стр. 170.

Когда учителю дѣтей графа Строганова было предоставлено право не только учить своихъ воспитанниковъ, но и самому учиться, сколько угодно, это знакомство было эпохой въ жизни Буслаева: за границей онъ впервые познакомился непосредственно съ шеолой Гриммовъ¹⁾, съ научнымъ отношеніемъ въ изученіи старины и народности. Первые труды Буслаева по возвращеніи его изъ перваго путешествія за границу доказываютъ, какое глубокое впечатлѣніе оставили въ немъ научные приемы и взгляды гриммовской школы. Такимъ выраженіемъ новыхъ взглядовъ была давно задуманная, но вышедшая въ 1844 г., книга „О преподаваніи отечественнаго языка“, гдѣ во второй части авторъ переходитъ съ педагогической чисто на филологическую почву и, въ видѣ матеріаловъ для русской грамматики, предлагаетъ цѣлый рядъ изслѣдованій и замѣчаній о свойствахъ, содержаніи и исторической судьбѣ русскаго языка²⁾. Во главѣ всѣхъ руководителей при этомъ стоитъ Гриммъ, начала котораго авторъ „почитаетъ самыми основательными и плодотворными для науки и для жизни“. Поэтому онъ примѣняетъ сравнительный и историческій методъ Гримма въ объясненію русскаго языка, его звуковъ и формъ³⁾. Здѣсь уже намѣчается и дальнѣйшее развитіе основнаго принципа Гримма: изъ стараго и народнаго языка извлекаются матеріалы для характеристики быта — юридическаго, религіознаго, — міровоззрѣнія отдаленнаго языческаго и христіанскаго времени. Еще съ большей цѣльностью и послѣдовательностью эти взгляды изложены въ замѣчательной по своему времени и до сихъ поръ еще не утратившей своего значенія магистерской диссертациі Ѳ. И. Буслаева: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“

¹⁾ Первымъ же книжнымъ знакомствомъ Ѳедоръ Ивановичъ былъ обязанъ М. П. Погодину, къ которому онъ всегда относился съ любовью преданнаго, благодарнаго ученика (см. „Мои воспоминанія“, стр. 128; ср. тамъ же, стр. 125).

²⁾ А. Н. Пыпинъ. „Исторія этнографіи“, I, стр. 78.

³⁾ А. Н. Пыпинъ, тамъ же.

(1848). Здѣсь на основаніи глубокаго и широкаго сравнительнаго изученія двухъ памятниковъ языка—перевода евангелія Ульфилы и перевода св. Писанія на славянскій языкъ—вскрывается исторія языка въ связи съ движеніемъ жизни и культуры. Главныя положенія диссертации примыкають непосредственно къ ученію Гримма: исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа, языкъ въ періодъ его образованія носить на себѣ слѣды народной миѳологіи, древнѣйшія формы эпической поэзіи ведутъ свое начало отъ образованія самаго языка, родство индоевропейскихъ народовъ подтверждается не только родствомъ языковъ, но и общностью вѣрованій и преданій; поэтому иное изученіе славянскаго народнаго преданія, нежели сравнительное, не возможно. Такая постановка изученія народности была совершенной новостью въ нашей литературѣ, какъ первый опытъ съ помощію научно примѣненнаго сравнительнаго метода заглянуть въ исторію славянской древности тѣхъ временъ, которыя считались до сихъ поръ недоступными изслѣдователю. Помимо новизны, такая постановка вопроса расширила до небывалыхъ размѣровъ самое изученіе, чтó сказалось немедленно на послѣдующихъ работахъ самого же Буслаева и другихъ его единомышленниковъ, принявшихъ отъ него взгляды Гримма. Наконецъ, появленіе первыхъ трудовъ Буслаева положило начало новому направленію въ русской наукѣ, не имѣвшему ничего общаго ни съ перерождающимся славянофильствомъ, ни съ школой прогрессистовъ, смотрѣвшей на вопросъ о народности только съ его соціальной стороны. Буслаевъ, вводя у насъ школу Гримма, далъ изученію народности съ одной стороны строго научныя основы историческаго освѣщенія фактовъ, съ другой—указалъ и нравственное отношеніе къ народному преданію, къ народному языку, чуждое всякой предвзятости, а основанное на искренней любви и уваженіи (отнюдь не пристрастіи) къ народности. Недаромъ начала Гримма онъ считаетъ основательными и плодотворными

не только въ наукѣ, но и въ жизни. Въ результатѣ съ первыхъ же трудовъ своихъ Буслаевъ внушилъ по отношенію къ народной словесности то уваженіе, которое до сихъ поръ одни считали возможнымъ оказывать только произведеніямъ искусственной словесности, но, съ другой стороны, не далъ мѣста тому аффективному, тенденціозному отношенію къ народной словесности на счетъ искусственной, которое являлось противовѣсомъ первому. Это составляетъ несомнѣнную, великую заслугу Буслаева не только въ области спеціального изученія старины и поэзіи, но и по отношенію ко всему русскому образованному обществу. Самое понятіе о народности, о способахъ и видахъ ея проявленія было поставлено необыкновенно широко и стройно, указано было *одно общее* начало народности, намѣчена была начальная точка ея исторіи. Это *слово*: оно „естъ главное и самое естественное орудіе преданія. Къ нему, какъ средоточію, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа... Слово — не условный знакъ для выраженія мысли, но художественный образъ, вызванный живѣйшимъ ощущеніемъ, которое природа и жизнь въ члвкѣ возбудили. Творчество народной фантазіи непосредственно переходитъ отъ языка къ поэзіи“¹⁾). Такимъ образомъ во взглядѣ Буслаева сливаются исторія языка и исторія словесности. Этотъ взглядъ легъ въ основаніе цѣлаго ряда работъ Федора Ивановича по народной литературѣ: ему онъ остался вѣренъ всю жизнь, расширяя и углубляя его въ послѣдующихъ работахъ, при чемъ, понятно, частности могли и должны были измѣняться, но сущность остается одна и та же. Таковы первая изъ его монографій, вошедшихъ въ „Очерки русской народной словесности“ (1861 г.), гдѣ, напримѣръ, образованіе пословицы поставлено въ тѣсную связь съ развитіемъ языка (въ „Русскомъ бытѣ и пословицахъ“): „Вмѣстѣ съ образованіемъ грамматическихъ формъ, происхожденіе пословицы восходитъ ко

¹⁾ Очерки, I, стр. 1.

временамъ доисторическимъ; и какъ языкъ отъ древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохраняя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ народа, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, доходитъ до насъ въ народной рѣчи“ (I, стр. 78 и сл.). Послѣ этого авторъ пытается по пословицамъ характеризовать разныя ступени нашей культуры, находить въ нихъ отраженія этихъ ступеней.

Широкій миѳологическій анализъ, проводимый сравнительно, въ основѣ своей взятый изъ Гримма, проходитъ по большей части статей перваго тома „Очерковъ“. Но эта зависимость взглядовъ Буслаева отъ положеній Гримма не можетъ быть понимаема въ смыслѣ только подражанія, повторенія взглядовъ образца. Онъ сумѣлъ не только понять, но и проникнуться вполне этими взглядами, чтобы дать имъ жизнь и развитіе на русской почвѣ: именно какъ разъ во время явился Буслаевъ съ школой Гримма въ нашей литературѣ, уже испытывавшей ранѣе вліяніе нѣмецкой филологіи, нѣмецкаго романтическаго направленія, послужившаго, какъ извѣстно, толчкомъ и исходной точкой школы Гриммовъ; но въ этихъ вліяніяхъ много было неяснаго, неправильно понимаемаго, а потому такъ уродливо и возроставащаго на русской почвѣ: давно чувствовалось важное значеніе идеи народности, народилось уже давно своего рода сочувствіе къ этой народности, но въ результатъ пока получались такія причудливыя, чтобы не сказать большаго, творенія, какъ изданія Сахарова, такія трудолюбивыя собранія, какъ Снегиревскія; у нихъ не хватало почвы ни научной, ни нравственной; дѣятелями были любители, диллетанты или люди, хотя и ученые, но совершенно не подготовленные филологически. Этотъ смыслъ и основы изученію, и притомъ широкому и въ то же время научному, далъ Буслаевъ, прежде всего поднявшійся на высоту филологическаго образованія, безъ котораго не мыслимо изу-

ченіе народности, проявляющейся прежде всего въ *словѣ* и словесныхъ произведеніяхъ. Онъ первый, какъ было сказано, измѣнилъ наше отношеніе къ народной жизни, хранительницѣ древнихъ основъ нашей народности, внесъ въ это изученіе не только научный, но и нравственный элементъ, выразившійся въ тепломъ, сочувственномъ отношеніи къ произведеніямъ народа, въ умѣніи находить и эстетическое достоинство, и много прекраснаго въ этихъ произведеніяхъ. Широта гримовскаго метода, требовавшая широты взгляда на изучаемый предметъ, новые источники, прежде неизвѣстные или оставшіеся безъ вниманія, вели къ ряду новыхъ открытій, новыхъ сопоставленій, отрывали часто тотъ невѣдомый міръ, о которомъ не могли мечтать предшественники Буслаева. Слѣдствіемъ этого было появленіе цѣлаго ряда ученыхъ работъ, значительно подвинувшихъ наше знакомство съ стариной, отрывавшихъ все новыя и новыя области, гдѣ можно было надѣяться найти, гдѣ, дѣйствительно, и оказались, новыя данныя для изученія исторіи нашей народности. Образецъ такой широкой многосторонней работы надъ исторіей нашей народности далъ самъ Буслаевъ въ своихъ памятныхъ всѣмъ статьяхъ по „Сравнительному изученію быта и поэзіи“ ¹⁾, представляющихъ въ то же время образецъ работы и по сравнительной этнографіи, широко охватывающихъ бытъ народа въ связи съ его вѣрованіями и культурными условіями жизни. Не менѣе широко примѣняется Буслаевымъ сравнительный методъ и къ болѣе частнымъ вопросамъ русской народности: его статьи по поводу собраній пѣсенъ Рыбникова и Кирѣевскаго (Русскій богатырскій эпосъ, 1862), по поводу собраній духовныхъ стиховъ Варенцова и Безсонова (Русскіе духовные стихи, 1861) ²⁾. Та же любовь къ народности, сознаніе нравственнаго значенія

¹⁾ Появились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1872—73 года

²⁾ Появились первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1862 г. и „Русской Рѣчи“ 1861 г., затѣмъ перепечатаны въ его „Русской народной поэзіи“, стр. 1 и 434.

въ ея изученіи, таже трезвость во взглядѣ видны въ этихъ капитальныхъ монографіяхъ: вездѣ старается Буслаевъ выслѣдить эту народность, желаетъ представить ее цѣльной, указать на необходимость ея изученія. Особенно ясно высказался Буслаевъ на счетъ своихъ взглядовъ на народность, на методы ея изученія въ своей актовой рѣчи, немного ранѣе — „О народной поэзіи въ древне-русской литературѣ“ (1859 г.): возражая противъ внѣшняго чисто дѣленія словесности на устную и письменную, противъ приуроченія одной къ области народной массы, другой къ области людей избранныхъ, ораторъ на рядѣ примѣровъ показываетъ взаимодѣйствіе, обмѣнъ поэтическими элементами обѣихъ половинъ одной и той же области человеческого духа, проявлявшейся въ словѣ, окончательно устанавливаетъ связь устной литературы и книжной словесности; связь загадки и „Бесѣды трехъ святителей“, книжнаго рецепта стариннаго лечебника и народнаго заговора становится ясной.

Правда, въ раннихъ трудахъ Буслаева, посвященныхъ разъясненію идеи народности, нѣкоторымъ образомъ прививѣ ея на русской почвѣ, установленію источниковъ для ея разработки, можно указать кое-что и временнаго, кое-что такого, что теперь устарѣло. Устарѣли частности, вполне естественныя при тогдашнемъ состояніи науки на Западѣ и у насъ; къ числу такихъ частности относится увлеченіе нѣкоторыми положеніями Гримма, принятыми Буслаевымъ до извѣстной степени на вѣру; таково увлеченіе Буслаева мифологіей: интересъ именно къ ней заставлялъ Буслаева невольно искать *ее прежде* другихъ особенностей въ памятникахъ; этимъ интересомъ обуславливался въ значительной мѣрѣ выборъ темъ для изслѣдованія; но въ то же время Буслаева никогда нельзя было обвинить въ пристрастіи, никогда онъ не закрывалъ глаза на другія стороны изучаемаго предмета, никогда не подгонялъ матеріала подъ заранѣе, хотя бы и невольно, сложившіяся рамки, какъ это случалось даже съ талантливыми работниками, напримѣръ, славянофильскаго направленія, хотя

бы съ О. Θ. Миллеромъ въ его громадномъ трудѣ объ Ильѣ Муромцѣ. Я умышленно привелъ въ примѣръ покойнаго проф. Миллера: Буслаевъ, самъ такъ энергично выслѣживавшій миѳологическія основы нашего эпоса, возражалъ Миллеру, преслѣдовавшему ту же цѣль, возражалъ не противъ самой цѣли работы, а противъ хода ея, противъ искусственнаго примѣненія метода, противъ заранѣе составленнаго представленія, какъ и въ чемъ надо видѣть миѳологию природы въ ея отраженіи въ нашемъ эпосѣ; стоя на строго исторической точкѣ зрѣнія, Буслаевъ упрекаетъ Миллера въ томъ, что онъ забылъ, вопервыхъ, органическое цѣлое нашего эпоса, которое ясно даетъ себя чувствовать изъ суммы данныхъ, почерпнутыхъ изъ русскихъ же источниковъ не только устныхъ, но и письменныхъ; эти источники онъ и намѣчаетъ въ своемъ разборѣ, стараясь найти отзвуки миѳологическіе или отзвуки сказаній миѳологическихъ когда-то, въ письменной литературѣ; вовторыхъ, рецензентъ, хотя и очень деликатно, возстаеъ противъ увлеченія О. Θ. Миллера миѳологическою теоріей и требуетъ большаго вниманія къ „эпическимъ бытовымъ“ слоямъ, нежели это видно въ трудѣ Миллера ¹⁾).

Если мы можемъ теперь считать нѣкоторые взгляды Буслаева устарѣвшими, результатомъ увлеченія, то только теперь, когда мы, благодаря тому же Буслаеву, благополучно пережили въ нашей наукѣ эту пору увлеченія миѳологіей, миѳологическими построеніями. Пережили же мы эту эпоху благополучно потому, что самъ Буслаевъ помогъ намъ это сдѣлать: онъ совершенно ясно сознавалъ, что прежніе его труды въ значительной мѣрѣ старѣются, но онъ самъ же считалъ ихъ необходимыми для того времени, спокойно, съ достоинствомъ признавая за ними значеніе историческое: „Съ тѣхъ поръ“ (то-есть, съ 1861 г. — появленія „Очерковъ“) пишетъ Буслаевъ, перепечатывая въ 1885 г. свои статьи 60-хъ годовъ — „изученіе народности значительно расширилось въ объемѣ

¹⁾ „Русская народная поэзія“, стр. 247—248, 260, 279.

и содержаніи, и соотвѣтственно новымъ открытіямъ установились инныя точки зрѣнія, которыя привели ученыхъ къ новому методу въ разработкѣ матеріаловъ. Такъ называемая гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ мѣологии, обычаевъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ¹⁾... Въ результатъ самъ Буслаевъ призналъ свои труды по проведенію у насъ гриммовской школы „матеріаломъ для исторіи науки по изученію старины и народности“: это заставило его согласиться на перепечатку статей Академіей Наукъ. Но сознаніе, явившееся, конечно, не въ 1885 г., что труды его уже отстали отъ современнаго теченія науки, не заставило Буслаева бросить трудъ по изученію старины и народности, и подавно не вызвало въ немъ желанія отстаивать отживающее направленіе, протестовать противъ новаго: на оборотъ, признавая, съ одной стороны, историческія права теоріи Гримма, а съ другой стороны, понимая важное значеніе теоріи взаимнаго общенія народовъ для уясненія исторіи народности и старины, онъ самъ пошелъ навстрѣчу новому направленію, не отрицавшему, а поправлявшему старое, хотя бы во имя стремленія къ истинѣ ему приходилось поступиться очень многимъ: онъ вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ совершенно спокойно переходилъ къ трудамъ по заимствованію: продолжая развивать наши свѣдѣнія по мѣологии, стараясь изъ широкаго круга литературы родственныхъ народовъ объяснить данныя для нашей мѣологии, Буслаевъ въ своемъ „Сравнительномъ изученіи быта и поэзіи“ далеко уже выходитъ за рамки индо-германской народности и кончаетъ превосходнымъ изложеніемъ и дополненіемъ статьи М. Мюллера о странствующей повѣсти²⁾. Эта статья была до извѣстной

¹⁾ „Русская народная поэзія“, предисловіе.

²⁾ Статья М. Мюллера въ его *Essays* (т. III), Буслаева въ „Монихъ досугахъ“ (Перехожія повѣсти—II, стр. 259 и сл.).

степени послѣднею статьей, непосредственно примыкающей и завершающей труды Буслаева по исторіи нашей народности и старины въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но это же широкое и глубокое пониманіе народности, энергичное стремленіе выяснить характерныя черты ея въ прошломъ были причиною того, что Буслаевъ сталъ отцомъ нашей исторіи искусства. Изучая народность, ея исторію, Буслаевъ, какъ мы видѣли, ограничиться не могъ, въ силу самаго пониманія народности, одною народною литературой: вѣря, будучи убѣжденъ въ томъ, что подобно языку, передающемуся изъ поколѣнія въ поколѣніе и переносящему съ собою преданія отдаленнѣйшей старины, передается и поэзія, онъ, естественно, искалъ проявленія характерныхъ чертъ народности прежде всего въ той области народнаго міросозерцанія, которая поддерживалась и развивалась въ устныхъ, словесныхъ произведеніяхъ; далѣе изслѣдованіе привело къ необходимости изучать съ этой точки зрѣнія и письменность, гдѣ также открылись или новыя стѣроны проявленія того же народнаго духа, или тѣ же, чтѣ и въ устной поэзіи. Разъ поэзія и языкъ суть отраженія міровоззрѣнія, тѣсно связаннаго съ бытомъ, то и въ бытѣ въ связи съ поэзіей слѣдовало ожидать находокъ матеріала: и онъ нашель его здѣсь.

Расширяя постоянно кругъ матеріаловъ своего изслѣдованія, Буслаевъ пришелъ къ нашему старинному искусству: и въ немъ проявлялось, отражалось міровоззрѣніе народа: на картинкѣ изображалось наглядно то, о чемъ рассказывалъ, во что вѣрилъ народъ въ своихъ устныхъ преданіяхъ; иногда чужая, заимствованная миниатюра понималась народомъ сообразно старымъ его вѣрованіямъ, объяснялась имъ по своему, отражая и влияя на его устныя и письменныя сказанія; иногда народное міровоззрѣніе переносилось на картинку, обусловливая ея детали, композицію. Изученіе этого матеріала необходимо было для полнаго по возможности пониманія нашей старины, а затѣмъ черезъ это пониманіе старины направлялся путь къ уразумѣнію и народности, по скольбу она въ

этой старинѣ отразилась. Такой, приблизительно, общій путь велъ Буслаева къ изученію исторіи русскаго искусства, а особенная любовь къ искусству вообще, умѣніе вдумываться въ его памятники, умѣніе ихъ заставить высказаться, давно уже были у Буслаева: первое путешествіе въ Италію, подъ руководствомъ графа Строганова, давно уже подготовило Буслаева къ изученію искусства не диллетантскому, а научному. Та связь между памятникомъ искусства и идеями, міросозерцаніемъ людей эпохи его создавшихъ, которую привыкъ подмѣчать Буслаевъ еще по указаніямъ графа Строганова и западныхъ ученыхъ, а съ другой стороны, привычка искать связи между литературнымъ произведеніемъ и эпохой, то-есть, методъ изслѣдованія, побудили Буслаева, вернувшись въ Россію и тутъ насаждавшаго изученіе народности, подойти съ подготовкой на иноземной художественной литературѣ и памятникахъ искусства и къ русскимъ памятникамъ. Этотъ интересъ и пониманіе необходимости всесторонняго изслѣдованія вопроса, касающагося народности и въ области искусства, сказываются уже въ „Очеркахъ“, гдѣ статьи по литературнымъ вопросамъ постепенно начинаютъ наполняться изслѣдованіями и по русскому искусству. Здѣсь Буслаеву пришлось быть уже новаторомъ, предшественниковъ у него не было, самый матеріалъ до сихъ поръ не былъ тронутъ умѣлой рукой изслѣдователя, приходилось доказывать, что, „если скульптурныя и живописныя произведенія средневѣковой эпохи не останавятъ на себѣ вниманія художника, ищущаго красоты очертаній и правдоподобія, то глубиною своихъ идей и полнотою религіознаго впечатлѣнія поразятъ они мыслителя, слѣдящаго за историческимъ развитіемъ человѣческаго духа“. Приходилось защищать произведенія стараго искусства противъ презрительныхъ отзывовъ диллетантовъ-любителей изящнаго: „произведенія эти могутъ показаться уродливыми, въ родѣ лубочныхъ картинъ... Но если и позднѣйшія лубочныя картинки въ настоящее время (около 1866 г.) по достоинству оцѣниваются

исследователями русской народности. то тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ тѣ древнѣйшіе художественно-религіозные источники, которые вводятъ насъ. такъ сказать, въ самое святилище духовныхъ интересовъ народа... Эти произведенія поучительны... по внутреннему содержанию. которое съ заботливой точностью передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе... Это не образецъ, а матеріалъ для художника. для историка же литературы это—рядъ идей. составляющихъ превосходную поэму религіознаго содержания¹⁾. Надо было только умѣть прочесть эту „превосходную религіозную поэму“, писанную неизвѣстными до сихъ поръ буквами, на неизвѣстномъ языкѣ: дешифровать, пересказать то, что внимательному исследователю повѣдала картинка, составилъ первоначальную цѣль Буслаева. Онъ сумѣлъ не только объяснить миниатюру, но и отиѣтитъ ея исторію. Это объясненіе сначала носитъ частный характеръ, примѣнительно къ памятнику литературному, а въ концѣ II тома „Очерковъ“ (стало быть, еще до 1861 г.) начинаетъ приобрѣтаетъ самостоятельный характеръ: само искусство, объясненіе его съ помощью литературныхъ данныхъ служить цѣлью автора. Такъ постепенно создается подъ перомъ Буслаева исторія русскаго искусства: тѣ же идеи, исторія народности составляютъ ея исходную точку: какъ и исторія литературы, быта, такъ и исторія искусства суть части исторіи народности. Эта новая область все болѣе и болѣе привлекаетъ Буслаева, все больше и больше онъ ею занимается; все рѣже и рѣже отрывается онъ отъ области искусства, наконецъ, всецѣло посвящаетъ себя изученію древне-русскаго искусства. Это случилось въ половинѣ 70-хъ годовъ. За успѣхъ новаго историка искусства ручалась его подготовка: избирая область народной жизни и творчества, смежную и часто сплетающуюся съ словесностью и вѣрованіями, Буслаевъ не могъ оказаться неспособнымъ и слабымъ: замѣчательное знаніе и пониманіе литературы рус-

¹⁾ Очерки, II, стр. 201.

ской и иноземныхъ, явившіяся, какъ слѣдствіе широкаго самостоятельнаго сравнительнаго изученія ихъ, превосходная филологическая подготовка, воспитанная на непосредственномъ изученіи языка памятниковъ, твердое эстетическое образованіе на памятникахъ Запада—все это ручалось за успѣхъ. И дѣйствительно, труды Буслаева по исторіи русскаго искусства, предпринятые имъ въ изданіяхъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, какъ нельзя лучше, доказали это. Два крупныхъ изданія Общества связаны съ именемъ Буслаева, это— „Образцы письма и украшеній изъ псалтири съ возслѣдованіемъ XV в., Троицко-Сергіевой Лавры“ (1881) и „Русскій лицевой Апокалипсисъ“ (1884). За три года до изданія перваго труда Буслаевъ уже заявилъ себя не зауряднымъ знаткомъ русскаго искусства вообще: извѣстный французскій архитекторъ и знатокъ искусства Violet-le-Duc написалъ по порученію русскаго правительства „L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs“ и т. д. По этому поводу Буслаевъ написалъ мастерскую рецензію, доказавшую, что не зачѣмъ было „посылать въ варягамъ за море“¹⁾. Эти труды (то-есть, рецензія и „Образцы изъ псалтири“) — по словамъ В. В. Стасова — „изслѣдованія въ высшей степени самостоятельныя и новыя, какъ по матеріалу, такъ и по своимъ выводамъ. Проф. Буслаевъ разсматриваетъ здѣсь орнаментиву древнихъ рукописей нашихъ съ такою подробностью и глубокой внимательностью относительно значенія и коренного происхожденія всѣхъ деталей ея и составныхъ частей, какъ это дѣлали до сихъ поръ лишь рѣдкіе изъ западныхъ ученыхъ по отношенію къ средневѣковымъ европейскимъ рукописямъ. И если авторъ достигалъ здѣсь крупныхъ, иногда, можно сказать, поразительныхъ результатовъ, то этимъ онъ обязанъ, конечно, ранѣе всего своей способности, а, воторыхъ, тому, что въ лицѣ его соединяются

¹⁾ „Критическое обозрѣніе“ 1879 г., № 2, стр. 5.

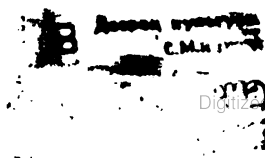
заразъ отличный русскій филологъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличный знатокъ древняго русскаго искусства“¹⁾). Такой отличный знатокъ русскаго искусства, съ отличною филологическою и историко-литературною подготовкою, посвятилъ свой послѣдній капитальный трудъ изслѣдованію одного изъ важнѣйшихъ, первыхъ по значенію памятниковъ русскаго искусства — „Лицевого Апокалипсиса“. Послѣ восьми лѣтъ тщательнаго собиранія и изученія матеріала Буслаевъ рѣшилъ выпустить свое изслѣдованіе, которое, по словамъ самого автора, рѣшаетъ однако только частные вопросы изъ обширной исторіи этого памятника искусства на русской почвѣ. Здѣсь мы видимъ, если такъ можно выразиться, сконцентрированными тѣ методологическіе приемы при разработкѣ памятниковъ искусства, которые разсѣяны въ видѣ отдѣльныхъ наблюдений въ болѣе раннихъ трудахъ Буслаева. „Ученый основатель науки русской народности уже давно и одинъ изъ первыхъ своими изслѣдованіями по символикѣ и мифологіи древне-русскаго искусства положилъ основаніе его историческому изслѣдованію. Теперь, не довольствуясь общимъ методологическимъ построеніемъ науки, онъ возводитъ одно изъ ея главныхъ зданій, и если прежде научность доводовъ и глубина высокихъ мыслей, присущія изслѣдованіямъ автора по народному искусству, лишь намѣчали тотъ путь, по которому его наука должна направиться, то теперь капитальный трудъ наставника нашихъ изслѣдователей отечественной древности даетъ имъ въ руки образецъ для ихъ послѣдующихъ трудовъ и прочное основаніе будущему зданію науки“²⁾). Такъ опредѣлилъ значеніе „Русскаго лицевого Апокалипсиса“ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Буслаева въ области исторіи искусства—проф. Н. П. Кондаковъ.

Сравнительно-историческій методъ, примѣнявшійся постоянно Буслаевымъ въ его изслѣдованіяхъ по народности въ

¹⁾ Сочиненія, I, 1, стр. 839.

²⁾ Ж. М. Н. П. 1885, VII, стр. 111.

области народной и книжной словесности, и здѣсь указанъ авторомъ, какъ единственно научный и въ археологическихъ и художественно-историческихъ вопросахъ; и здѣсь отнынѣ онъ становится обязательнымъ. Являясь первымъ обширнымъ трудомъ въ области исторіи русскаго искусства, изслѣдованіе Буслаева не претендуетъ на общее рѣшеніе вопроса: оно осторожно, критически собираетъ и описываетъ матеріалъ. Такъ смотрѣлъ на свой трудъ авторъ. Но онъ имѣетъ и болѣе важное значеніе: большое введеніе (около 200 страницъ), которымъ авторъ желаетъ подготовить читателя къ сознательному чтенію описываемаго матеріала, заключаетъ въ себѣ рядъ цѣннѣйшихъ положеній общаго характера, которыя вводятъ читателя въ духъ и приемы древняго русскаго искусства, связывая его съ искусствомъ византійскимъ, древне-христіанскимъ и западнымъ: въ этомъ введеніи и раскрывается методъ сравнительно-историческій, показываются зачатки апокалипсической иконографіи въ искусствѣ древне-христіанскомъ, византійскомъ, западномъ, указываются тѣ основанія, на которыхъ построена критическая сторона самого изслѣдованія. Это введеніе, скромно назначаемое авторомъ для подготовленія къ ознакомленію съ собраннымъ имъ матеріаломъ, есть въ результатѣ крупное самостоятельное сочиненіе по иконографіи Апокалипсиса и тѣмъ болѣе важное, что оно должно было быть вполне самостоятельно, потому что ничего готоваго, обработаннаго въ этой области авторъ найти не могъ, не могъ найти помощи и въ западной наукѣ, изслѣдованія которой по Апокалипсису лишены еще научнаго фонда. И въ области русскаго искусства нашель Буслаевъ подтвержденіе того наблюденія, весьма важнаго для оцѣнки живописныхъ произведеній, которое имъ не разъ было высказано въ области народной словесности: „Чѣмъ древнѣ иллюстраціи, тѣмъ богаче онѣ традиціоннымъ содержаніемъ и тѣмъ самостоятельнѣе; чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣднѣе въ отношеніи иконографическомъ, и тѣмъ болѣе теряютъ онѣ свою самостоятельность въ раб-

скомъ копированій, неудачномъ эклектизмѣ и въ безразборчивомъ усвоеніи западныхъ сюжетовъ и стиля“¹⁾). Изъ этого наблюденія вытекаетъ то же самое дѣленіе исторіи нашей иконографіи, которое намѣчалось Буслаевымъ и въ литературѣ: одно теченіе „болѣе чистое, непримѣсное, наше православное, русское и византійское, и другое, помутившееся западнымъ наплывомъ“. Но оба эти элемента нельзя разграничивать строго въ исторической ихъ послѣдовательности въ отраженіи ихъ въ памятникахъ, сравнительно позднихъ, XV — XIX вв., каковы дошедшіе до насъ иллюстраціи Апокалипсиса: въ нихъ хаотически смѣшиваются древне-христіанскія воззрѣнія, ранне-византійская иконопись съ позднѣйшими заурядными, шаблонными рисунками западной печати XVI — XVII вв. Разобраться въ этомъ хаосѣ, отдѣлать эти элементы, опредѣлитель „свое“ въ этой массѣ и есть цѣль автора.

Въ концѣ концовъ тщательный сравнительный анализъ иллюстрацій Апокалипсиса у насъ и на Западѣ приводитъ Буслаева къ общему выводу: „Искусство на Западѣ открыло для себя новые пути въ высшему развитію въ подражаніи природѣ и въ воспроизведеніи дѣйствительности, то-есть, на той же самой животворной почвѣ, на которой нѣкогда возникли величайшія произведенія античнаго классицизма. Между тѣмъ, наши лицевыя Апокалипсисы, не смотря на вліяніе на нѣкоторые изъ нихъ живописнаго стиля, въ громадномъ большинствѣ своемъ остались вѣрны церковному преданію. Это не былъ застой, не лѣнливое косненіе....., а консерватизмъ, обращенный къ прямому непосредственному источнику религіознаго вдохновенія—Священному Писанію... Только искусство церковное въ стилѣ иконографическомъ могло во всемъ подобающемъ величіи воспроизвести таинственныя видѣнія Откровенія Іоанна Богослова. Въ этомъ принципѣ, данномъ самою исторіей худо-

¹⁾ Лицевой Апокалипсисъ, стр. 49.

жественныхъ стилей, полагается основа эстетической критики для апокалиптической иллюстраціи“.

Далѣ мастерски указывается различіе въ назначеніи между иконой и миниатюрой, различіе, важное для правильной точки зрѣнія на ту и другую: „Миниатюры даютъ лучшее понятіе о разнообразіи и видоизмѣненіяхъ иконографическаго преданія, нежели иконы, по своему практическому назначенію, болѣе подчиненныя неизмѣняемости, охраняемой номоканономъ и религіознымъ обрядомъ. Икона предназначена только для молитвы; миниатюру же разсматривали въ часы благоговѣйнаго досуга, ее, такъ сказать, читали безграмотные, а грамотные сличали изображеніе съ прочитаннымъ текстомъ и провѣряли и тѣмъ болѣе углублялись въ писаніе и уясняли его себѣ“¹⁾. Въ связи съ этимъ опредѣленіемъ становится намъ ясенъ и составъ апокалиптической иллюстраціи: она, какъ назначенная для уясненія и толкованія текста, стоитъ въ связи по идеямъ съ цѣлымъ рядомъ памятниковъ литературныхъ, служащихъ углубленіемъ и толкованіемъ Священнаго Писанія; поэтому миниатюры Апокалипсиса служатъ дополненіемъ къ его толкованію или прямо изъ него взяты; въ нихъ выясняется взглядъ на Апокалипсисъ, не только какъ на часть Священнаго Писанія, а также какъ на книгу священную, совмѣстившую въ себѣ отзвуки цѣлой эсхатологической литературы. Такъ поставлена была Буславевымъ въ связь миниатюра и литературный памятникъ, дано было мѣсто преданію, „вычитанному“ изслѣдователемъ изъ картины, въ общемъ развитіи преданія въ старой литературѣ.

Дѣйствительно, вспомнивъ хотя бы общіе взгляды и приемы Буславева при изученіи памятниковъ искусства, мы видимъ, что „Лицевой Апокалипсисъ“ могъ быть тѣмъ фундаментомъ, на которомъ смѣло можно строить исторію нашего искусства.

¹⁾ Лицевой Апокалипсисъ, стр. 182, 183.

Плодотворность выводовъ, полученныхъ изъ перваго же труда, специально посвященнаго исторіи искусства, согласіе ихъ съ общимъ развитіемъ нашей исторической жизни служатъ ручательствомъ правильности метода, принятаго авторомъ; а мастерское широкое примѣненіе этого метода въ рукахъ таковаго глубокаго многосторонняго изслѣдователя, каковымъ былъ Буслаевъ, дѣлаютъ изъ его „Апокалипсиса“ образцовый учебникъ, съ которымъ въ рукахъ можно смѣло приступать къ изученію темной еще области нашего искусства. Этотъ трудъ таковой же краеугольный камень для историка искусства, какъ и другіе труды Буслаева по старинѣ и народности для историка литературы: съ него начинается разработка новой науки.

Уже изъ самыхъ общихъ положеній Буслаева въ области исторіи литературы и искусства, мною изложенныхъ, можно видѣть значеніе Буслаева въ исторіи нашей культурной жизни. Но я указалъ только немногое.

Этимъ не исчерпывается дѣятельность Буслаева: я не касался его трудовъ чисто филологическихъ, каковы, на примѣръ, его „Матеріалы для исторіи письменъ“ (М. 1855), его трудовъ педагогическихъ, каковы его изданія: хрестоматія, грамматика, программа института и т. д., трудовъ по европейской литературѣ и искусству, собранныхъ въ его „Досугахъ“. Для оцѣнки этихъ трудовъ не хватитъ мѣста въ моей краткой поминальной рѣчи, не хватитъ и матеріала: это сдѣлаютъ будущіе біографы Буслаева. Ограничусь поэтому немногими словами.

Начавши свою дѣятельность съ изученія нашей народности въ области исторіи языка и литературы, Буслаевъ постепенно расширялъ кругъ своихъ изслѣдованій, захватывая все шире и шире область народной жизни и старины; затѣмъ, убѣдившись въ непосильности для одного человѣка всесторонне освѣтить нашу старину, онъ постепенно начинаетъ специализироваться, выбирая для себя область менѣе

других затронутую изслѣдователями, но не менѣе другихъ ему доступную и симпатичную область — область искусства. Эта специализація, однако, не сузила его взгляда: въ частной области онъ руководится общими идеями о старинѣ и народности, никогда не упускаетъ изъ виду общаго, на свои занятія смотритъ только какъ на часть общей науки о народности. Онъ ввелъ въ эту науку новую область — область русскаго искусства.

Эта область была послѣднимъ поприщемъ трудовъ Буслаева. Въ этой же области въ послѣдній разъ въ жизни выступилъ Федоръ Ивановичъ и передъ публикой. Напомню этотъ трогательный случай, который, съ одной стороны, покажетъ наглядно, чѣмъ былъ для насъ Буслаевъ, съ другой стороны, дастъ образецъ той научной прямоты и уваженія къ наукѣ, которыя отличали Буслаева всю его жизнь. Это было въ январѣ 1890 года, во время послѣдняго московскаго археологическаго съѣзда, когда высокій, сутуловатый, бѣлый какъ лунь старикъ, въ толстомъ, нѣсколько старомодномъ, сюртукѣ, уже плохо видѣвшій, медленно съ трудомъ поднимался по широкой лѣстницѣ Историческаго музея, поддерживаемый женой и графиней П. С. Уваровой, тогдашнимъ предсѣдателемъ съѣзда, окруженный толпой учениковъ и почитателей, часто уже также не молодыхъ и удрученныхъ годами и трудами. Войдя въ аудиторію, Федоръ Ивановичъ сѣлъ передъ большимъ столомъ и нѣсколько минутъ среди гробовой тишины собирался съ мыслями. Затѣмъ полилась слабая, тихая, но въ то же время спокойная и живая характерная рѣчь о стилизаціи деревьевъ и горъ въ русской миниатюрѣ: Буслаевъ чистосердечно указывалъ на свои промахи и неполноту изслѣдованія въ своемъ „Апокалипсисѣ“ и передъ собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи учеными исправлялъ свои ошибки. Толпа густой каймой окружала столъ, стремясь протѣсниться поближе къ оратору, съ жадностью и благоговѣніемъ ловя не всегда уже внятные звуки старческаго рѣчи. Конецъ чтенія былъ своего рода апоѳеозомъ

Буслаева: ученая Россія торжественно признавала его великія заслуги передъ обществомъ.....

Публично Ѳеодоръ Ивановичъ болѣе уже не выступалъ, но охотно принималъ всѣхъ, кто желалъ его видѣть и бесѣдовать съ нимъ, дѣлился охотно своими богатыми воспоминаваніями и свѣдѣніями, журилъ черезчуръ подчасъ прозаичную „молодежь“, между которой попадались часто и уже посвѣдѣвшіе его ученики и почитатели. Таковы были его четверги и воскресенія, не прекращавшіеся почти до послѣдней болѣзни, сведшей его въ могилу. Остальное время онъ посвящалъ слушанію чтенія, слѣдя за всѣмъ выдающимся въ нашей литературѣ, дитювѣ своихъ воспоминаній научныхъ и житейскихъ, а иногда и отзывы о заинтересовавшихъ его явленіяхъ въ области любимаго имъ искусства ¹⁾).

Такъ постепенно, не прерывая связи съ наукой и съ живымъ міромъ, послѣдніе годы уже недоступнымъ зрѣнію слѣпного старца, доживалъ дѣятельно свой вѣкъ Ѳ. И. Буслаевъ, всю жизнь привыкшій неустанно трудиться въ области науки. Въ немъ мы утратили рѣдкаго по чистотѣ типа ученаго, рѣдкаго по долговѣчности работника, рѣдкаго, по душевнымъ свойствамъ, человѣка сороковыхъ годовъ: идеалистъ, впечатлительный, отзывчивый на все хорошее, замѣчательно деликатный и ласковый къ людямъ, рыцарски благородный въ столкновеніяхъ съ ними,—такимъ остался Ѳеодоръ Ивановичъ до послѣднихъ дней своихъ. Слушая его воодушевленную рѣчь объ Италіи, ея искусствѣ и памятникахъ, или о средневѣковомъ романѣ, или русской благочестивой легендѣ, слушатель совершенно забывалъ, что передъ нимъ не юноша, а глубокой старецъ, глубоко понимающій и глубоко чувствующій, и потому такъ восторженно повѣствующій о красотахъ Италіи, о древне-христіанскихъ памятникахъ, о средне-вѣковой легендѣ.

¹⁾ Таковъ его отзывъ въ „Христіанскомъ чтеніи“ о трудѣ Н. В. Покровскаго „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“.

Эти же качества, взятые вмѣстѣ съ идеальною чистотою души, выработали въ Федорѣ Ивановичѣ то спокойное настроеніе и терпѣніе, съ которыми переносилъ онъ свое горе—все усиливавшуюся съ году на годъ слѣпоту, заслонившую отъ него внѣшній міръ, тѣ памятники художества, ту природу, которыя дали столько прекрасныхъ моментовъ въ его жизни, столько художественныхъ и глубокихъ мыслей, которыя разливались широко въ его ученыхъ работахъ, въ его письмахъ о поѣздкахъ за границу, въ его „Воспоминаніяхъ“.

Также спокойно и сознательно ждалъ онъ, по видимому, и смерти: давно уже свои лекціи, свои не изданные труды, свою переписку научнаго характера передалъ онъ по частямъ Румянцовскому музею, давшему ему въ свое время столько матеріала для ученыхъ работъ, дорогому для него по памяти объ А. Е. Викторовѣ, который былъ для него опытнымъ помощникомъ и совѣтникомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ раннихъ работъ, кончая „Лицевымъ Апокалипсисомъ“. Затѣмъ, свое небольшое по числу нумеровъ, но драгоцѣнное по составу собраніе рукописей, богатыхъ миниатюрами, сослужившее ему такую добрую службу въ его занятіяхъ, статьяхъ по литературѣ и искусству—Очеркахъ, Апокалипсисѣ—уступилъ онъ Императорской Публичной библиотекѣ. Свою богатѣйшую библиотечку по исторіи русской и иностранной литературамъ онъ отдалъ сыну, а частью въ свой родной университетъ, гдѣ, она послужила основой семинарской библиотеки при кафедрѣ русской словесности. Съ однимъ не могъ онъ разстаться до самой смерти—съ богатю своею коллекціей эстамповъ, рисунковъ, роскошныхъ изданій по искусству. Изъ этой небольшой, но замѣчательной по подбору библиотеки зналъ Федоръ Ивановичъ всякій листъ, всякую книгу могъ найти, уже лишившись зрѣнія, могъ указать и описать всякій рисунокъ, что онъ и дѣлалъ часто, бесѣдуя съ своими четверговыми и воскресными гостями.

Такъ послѣ короткой, но тяжелой болѣзни, давно уже подготовившись въ смерти, повончилъ свои долгіе дни одинъ

изъ старѣйшихъ, первыхъ представителей русской науки, оставивъ свои труды, своихъ учениковъ, истинную науку намъ въ наслѣдіе.

Если Федора Ивановича не стало, намъ остается одно утѣшеніе: его идеи, образцы, имъ данные, его изданные и не изданные еще труды не умрутъ, воспитывая поколѣніе за поколѣніемъ въ тѣхъ свѣтлыхъ, благородныхъ и истинныхъ идеалахъ науки, которымъ онъ такъ ревностно, такъ талантливо и такъ честно служилъ въ теченіе своей долгой жизни. Въ этомъ заключаться будетъ посмертная и, будемъ надѣяться, неувядаемая слава *Ө. И. Буслаева*.

М. Сперанскій.

106705

